



ЭНТОНИ
БЁРДЖЕСС



Мертвец в Дептфорде



АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б48

Серия «Зарубежная классика»

Anthony Burgess
A DEAD MAN IN DEPTFORD

Перевод с английского *Л. Иотковской*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Estate of Anthony Burgess
и литературного агентства Artellus Limited.

Бёрджесс, Энтони.

Б48 Мертвец в Дептфорде : [роман] / Энтони Бёрджесс ;
[пер. с англ. Л. Иотковской]. — Москва : АСТ, 2015. —
384 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-080116-9

Последний роман великого мастера, опубликованный уже после его смерти. Вторая книга «елизаветинской» дилогии, начатой «Влюбленным Шекспиром», и ничуть ему не уступающая.

Кристофер Марло. Один из самых загадочных и смелых поэтов елизаветинского «золотого века». Гениальный молодой драматург, бунтарь, интеллектуал — и профессиональный шпион «на тайной службе ее величества».

Его жизнь была недолгой и полной приключений, а его смерть — таинственной. Кем же был этот человек, сотрясавший основы общества, сокрушавший нормы морали и создававший пьесы, не уступавшие шекспировским?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-080116-9

© The Estate of Anthony Burgess, 1993

© Перевод. Л. Иотковская, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

*Сэму Уонамейкеру (с семьей) в знак признательности
за смелость, проявленную при возвращении к жизни те-
атра, которого никогда не знал Марло*

Часть первая

Представьте себе, читатель (справедливый или несправедливый, какая, в сущности, разница?), множество событий, свидетелем которых я не был. Однако то, что человек предполагает, имеет право на существование и заменяет ему реальное видение. Один философ говорил о кошке, которая мяукает, когда хочет, чтобы ее выпустили, и точно так же мяукает, чтобы ее впустили обратно. Но пока мы эту кошку не видим, разве она перестает существовать? Во всех нас есть некая склонность к солипсизму: мы воображаем, что наделены божественной властью, после чего неминуемо приходит временное отрезвление и неуверенность в своих силах. Но во время отсутствия кошки человек имеет полное право предполагать, что она существует во плоти до самых кончиков усов. Пусть так и будет с моей кошкой или с Китом. Я должен предположить, что все действия Кита, которые совершались вне поля моего зрения, являлись по своей природе важным звеном в цепи его существования. Я знаю мало. Я был актером с ничтожно малой ролью, которую к тому же плохо играл. Я не наблюдал его постоянно, хотя на самом деле в какой-то степени неплохо его знал (в Священном Писании упоминается о подобном незаконном знании). Речь идет о темных сторонах его жизни, хотя время показывает: то,

что раньше казалось несущественным, оказывается важным. Время все ставит на свои места.

Глядя поверх своей пивной кружки, я вижу, что рискую попасть под опасное влияние моего партнера Джека Марстона, а именно: буду принужден употреблять совершенно непригодные к употреблению книжные слова и обороты. Вполне может случиться, что этот бедный английский язык не в состоянии отобразить жизнь во всем ее многообразии, со всеми ее муками и противоречиями. И все-таки именно Марстон в своем неведении назвал его «Добрый Кит». Он его не знал. Бывает, что словами нельзя передать человеческую сущность.

Я называю его «Кот» или «Кит». В нем и вправду было что-то кошачье. Он щурил свои зеленые глаза и умел ускользать от пристального взгляда, как это делают кошки, когда испытывал либо страх, либо агрессию, вызванную опять же или страхом, или чувством стыда. Даже во время полового акта его глаза оставались безучастными, по крайней мере в большинстве случаев. Вполне может случиться, что, хотя гомосексуальные отношения, как правило, исключают общение при помощи взглядов, они допускают наличие хотя бы временного союза двух сердец. Правда, относительно сердца Кита я не могу быть ни в чем уверен. Могу только предполагать, и я предполагаю. Прибавлю, что его лицо тоже напоминало кошку: широкий в ноздрях нос, холодный и влажный, однако подбородок — всегда горячий — выдавался вперед. Что касается верхней губы, она была длинной, как у жителей Кента. Усы (с позволения сказать) были и впрямь кошачьи и совершенно непохожи на настоящие мужские усы; борода тоже жидкая. Было ясно, что она никогда не станет густой, как у зрелого мужчины. Зато урожай волос на голове

был обильный, хотя и не в виде зерна. Позвольте мне сравнить его голову со стогом сена. В сухую погоду, которая предвещает гром, он выглядит угрожающе — готов загореться от удара молнии. Однако, созерцая его обнаженное тело, я отметил, что волос на нем было мало: редкая шерстка, как после дождичка в четверг. У него было гладкое тело, красивая фигура и плоский живот. Готов поклясться: это неправда, что у него был лишний сосок.

Он ел мало, зато много пил и часто страдал рвотой. Когда сэра Уолтера Стинк¹, владелец Аппаваока, ввел в моду курение трав, Кит пристрастился к вонючему табаку из Барбадоса и отвратительным трубкам, которые свистели и пускали пузыри с коричневой жидкостью. Иногда, когда у него не было трубок, он курил лечебные листья, обернутые в большой внешний лист, но тот раскрывался и вспыхивал, и тогда Кит с руганью бросал его на пол. При этом он всегда был весьма изобретателен в своих ругательствах, проклятиях и богохульстве. (Да простят меня Бог, читатель и цензор, если, конечно, дело дойдет до печати. Да отвратят они свой взор от меня и обратят его на Кита. Это не мой рот изрыгал проклятия, а его, а я не более чем рассказчик.) Вот примеры его богохульства: «Вонючая моча Иоанна Крестителя; прокисшее молоко этой еврейской шлюхи, так называемой Божьей Матери; изъеденные язвами задницы этих педерастов, двенадцати апостолов; обильное извержение спермы у распятого Христа» и тому подобное. Я опускаю напоминание о росте Кита, который был не более чем пять футов пять дюймов. Это не оправдание для его богохульства.

¹ Вонь, зловоние (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

Теперь навестим его в Кембридже. Он студент колледжа Тела Христова, в заплатах коротких штанах тускло-коричневого цвета, заштопанных чулках, скромном студенческом плаще, со школьных лет приученный к нудным занятиям теологией и постоянному подчинению. Все его соседи по комнате и товарищи по учебе, будучи детьми священников, настолько бессмысленно благочестивы, что просто невозможно удержаться от богохульств, приведенных мною выше. Например, мистер Тео Фокс, с кривой шеей, говорит: «Я не могу. Я знаю, что провалюсь». Ну и что бы вы ему ответили, читатель? Я буду следовать чужеземной моде и как бы выровняю диалог. Итак, мистер Тео Фокс, с кривой шеей и прыщами на лице, говорит:

— Я не могу. Я знаю, что провалюсь.

А Кит отвечает:

— Это грех безнадежности. Один из двух грехов против Святого Духа, это непростительно.

А юный мистер Фокс:

— Возможно, Господь простит меня за готовность к святой работе, хотя я и слаб.

А Кит:

— А это грех самонадеянности. Он против духовности и тоже непростителен.

Мистер Ино Баттерсби смотрит на Кита широко раскрытыми глазами, хотя оба его глаза смотрят в разные стороны, и говорит:

— Я протестую против вашей манипуляции с папистскими грехами, потому что мы с ними давно покончили.

А Кит:

— Да. Протестуя, мы обретаем веру. Мы протестуем, но без святого пыла и вопля. Против папы в Риме

и тайной конфессии, против священного каннибализма. Я протестую против протеста.

— Это значит, что вы возвращаетесь к тому, что осуждено, — говорит мистер Вивелл, сын благочинного, почесывая у себя под мышкой. — Берегитесь!

А Кит отвечает:

— Во всем виноват Генрих Восьмой, которого бесы беспрестанно пихали в его толстое брюхо. Это он и его мычащие министры пускали вонючие газы, которые потом, в один проклятый день, были выпущены на волю. Это всё они с нами сделали! Он и его черноволосая шлюха, которую он обрюхатил.

— Это не самое важное, — возразил Вивелл, — откуда мы получаем Святое Слово. Важно, что оно доходит до нас, минуя одурманенные мозги нечестивых священников.

— Но что есть Святое Слово? — усмехается Кит. — Лживые предсказания и Бог, который любит запах жареного мяса, а в его отсутствие не гнушается свежей кровью убитых младенцев. Вначале он делает свет, потом — солнце. Это солнце вставало при Иисусе и, как известно, встает и теперь.

А юный Фокс говорит:

— Мне не нравится, что вы поносите Ветхий Завет. Восстаньте против Нового, и мы пойдем за вами.

— О, Новый Завет хорош тем, что вытеснил мстительного еврейского Бога, хотя тот отомстил ему в Страстную пятницу. Но все эти понятия отнюдь не святые, если мы отбросим наше протестантское лицемерие. Так, архангел Гавриил не более чем объект вожделения для похотливого Святого Духа. А Христос употреблял своего любимого апостола Иоанна совсем в стиле Содомы и Гоморры. Теперь вы меня

сожжете на костре? Это оживит ваши ежедневные скучные штудии.

— Теперь упомяните мистера Кетта.

— Мистера Кетта здесь уже нет. Он был нежно провожден в объятия своих родителей, которые были для этого из Эксетера. Это произошло вчера.

— Нет.

— О да.

Это и вправду было так. Френсис Кетт, домашний учитель Кита по теологии, был на несколько недель удален, а его кошки выпущены на улицу. Кошек у него было великое множество, а двенадцать из них он называл своими апостолами и дал им апостольские имена. Ноздри Кита и сейчас помнили их отвратительный запах. Он достаточно часто находился в кабинете мистера Кетта, где кошки, играя, устраивали засады среди множества грязных фолиантов, разбросанных по немытому полу. А Кетт, улыбаясь и изображая пылкое вдохновение, произносил:

— Всё, что написано, может быть подвергнуто исследованию анатомическим ножом. Включая Священное Писание. Нам не нужны книги, чтобы убедить нас в существовании Бога или в необходимости отдать ему свое тело за наши грехи.

Кошка на его коленях мурлыкала в знак согласия. Кетт говорил:

— Христос еще не Бог, но может стать Богом, он потенциальный Бог. Обыкновенный добрый человек, которому пришлось много страдать за несовершенство людей. Он должен был воскреснуть из мертвых и только тогда стал Богом.

— Готовы ли вы произнести эту ересь перед престолом Всевышнего?

— О нет. Мы должны проявлять благоразумие. Макиавелли говорит, что мы должны соответствовать ожиданиям и представлять перед миром такими, какими мы на самом деле не являемся.

— Это справедливо только для сильных людей.

— Что значит сила человека перед силой Бога? — Кетт наклонился ближе, и кошачья вонь от его одежды заставила Кита зажать ноздри. — Бог поселил Иисуса Христа вместе с его последователями в Иудее, и там зародилась христианская Церковь. Мы все должны идти в Иерусалим, чтобы вкусить там ангельской пищи.

Он взглянул неодобрительно на черную кошку, которая безмятежно разлеглась на Библии на полу, в углу. Он указал на нее трясущимся пальцем и сказал:

— Посмотрите, она еврейка. Да-да, мы должны идти. Это дорого, но это необходимо. Сколько у вас денег?

— Нисколько. Я бедный школяр и сын сапожника.

— Хорошо, я согласен помочь вам подготовиться к путешествию. Я поеду туда и буду просить подаяния. Преклоните же вместе со мной колени среди этих божьих тварей, созданных Им на десятый день Творения, и помолимся все за искупление грехов, очищение от скверны и спасение душ наших. Преклоните колени.

— Я не могу здесь встать на колени.

— Вы не можете? — спросил Кетт спокойно, с мягким интересом, приблизив лицо к лицу Кита. — Вы не хотите здесь встать на колени? Здесь как раз время и место для коленопреклонения!

И Кетт вдруг как завопит:

— На колени, на колени, на колени, черт вас возьми! Будьте вы прокляты, сэр! Я знаю о ваших грехах! —

И он задрожал с кошкой на руках, которая стала вырываться.

Знал ли он о грехах Кита? Тот ли это грех, распространенный у древних греков, который не был чужд самому Сократу? Потом Кит рассказывал своим товарищам студентам: «Он совершенно обезумел и оставался в таком состоянии с небольшими перерывами, когда приходил в чувство. Религия может воздействовать так на отдельных людей, но не на всю нацию. Посмотрите, однако, что происходит на улице». Действительно, сквозь бутылочное стекло окна они увидели некий беспорядок, возникший перед таверной «Орел», расположенной напротив. Студенты, скинув свои плащи, пинали ногами человека, лежавшего в грязи, а ее после долгого летнего дождя было много. И, чудо из чудес, на некотором расстоянии стоял проректор университета и требовал не вмешиваться в драку.

— Надо присоединиться, — сказал Кит. — Наконец это произошло.

— Что именно?

— Вы глухи ко всему, кроме сомнительного Божьего Слова. Это должно было случиться. Уолтер Рэли получил продажу вина на откуп. Это означает, что он может давать лицензию на торговлю вином любому виноторговцу страны по своему выбору и собирать с них по одному фунту в год. Это право дала ему королева, но в этом месте указ королевы не имеет силы. Никаких прав. Кулаки студентов выполняют работу проректора.

— Это не по-божески — совать человека лицом в грязь.

— Бывает, — сказал Кит.

Тем временем на улице человеку, лежавшему в грязи, дали подняться только для того, чтобы ударом снова свалить с ног. Его жена в таверне громко плакала. Из верхнего окна раздался мужской голос:

— Сэр Уолтер узнает об этом. Я агент сэра Уолтера. Вы слышите? Есть королевский указ. Это вопиющее нарушение закона.

Кит видел дикое торжество на озверевших лицах студентов. То, что они сделали с хозяином таверны, они намеревались проделать и с его женой. Но она захлопнула дверь, лишив своего заляпанного жидкой грязью мужа шанса скрыться в доме. Тот вскочил и с громким криком побежал по улице. Ему надо было добежать до конца улицы, завернуть за угол и вбежать в заднюю дверь таверны. Всюду был слышен громкий победный вой человека в окне. Издалека раздался угрожающий крик полицейского. Его заглушал свист камней, запущенных студентами. Человек ретировался и захлопнул окно. Хорошо одетый джентльмен в красном плаще, стоявший около Кита, пожаловался:

— Смотрите, на мне грязь. Это нечистоты.

— Вам не повезло, сэр. Но грязь можно отчистить, только сначала надо высушить одежду.

— Я не могу ехать в Ньюмаркет в таком виде.

— Вам лучше было не спешиваться, сэр.

— Грязь и на моем лице. Мне надо умыться. Где я могу умыться? Моя лошадь у кузнеца. У нее ослабла подкова.

— Если вы соблаговолите войти в убогое жилище студента, я мог бы принести вам таз с водой и жесткую щетку, чтобы вычистить одежду.

— Я должен быть засветло в Ньюмаркете.

— Сейчас лето, темнеет поздно.